

Мс Мария
Метлицкая

Лерко на сергусе

Мария Метлицкая

Легко на сердце

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28328866

Эксмо;

Аннотация

Надо ли ворошить прошлое? Пытаться узнать правду?
Разрушать десятилетиями существующие мифы?

Три немолодые женщины, которые дружат с детских лет, собираются, чтобы вспомнить молодость и своих близких. В их памяти это прекрасные люди. Но выясняется, что в каждой семье есть скелет в шкафу.

Мария Метлицкая

Легко на сердце

Встречались, как всегда, у станции метро «Университет». Таня пришла первой – от дома до метро было всего-то полторы-две минуты. Редкое счастье. Минут через пять появилась Галка – сгорбленная, маленькая, ставшая к старости совсем старушонкой. Хотя какая старость – всего-то шестьдесят лет, но она и в молодости была тощей, сутулой, сгорбленной какой-то. А сейчас и вовсе шаркала по земле, почти не отрывая ног. Таня тяжело вздохнула. Галка вышла из метро и сразу закурила. Таня видела, что, когда та прикурила, у нее крупно дрожали руки. Галка увидела ее и прибавила шагу.

– И чего – опять эту принцессу ждем? – без «привет» и «здрости» зло бросила она.

– Ты же знаешь, – вяло отмахнулась Таня.

– Нет, ты мне скажи, ну не сволочь? – Галка подняла голову и кивнула на небо, с которого щедро сыпалась серая, колкая снежная крупа вперемешку с дождем.

Таня не отвечала.

– И ведь видит же, сволочь, какая погода! Ну почему ее должны все и всегда ждать? А? Ну понятно, нас за людей она вообще не держит. – Разнервничавшись, Галина зашлась в хриплом натужном кашле. Таня спокойно сказала:

– Ну ты же знаешь, не заводись, береги нервы.

– Ага, – подхватила Галка. – Береги. Что там беречь-то? Эти гады третьим беременны. – Это она про сына и невестку. – Нет, ну ты мне скажи, это люди?

Таня пожала плечом, хотела что-то сказать, но Галка яростно продолжала:

– Две комнаты смежные, кухня с херову душку, мал мала двое – из соплей не вылезают, их бы на ноги поставить. А она опять пузом сверкает.

– Ну, Галь, это же их дело, ты же не можешь им запретить, – робко вставила Таня.

– Что запретить? Сношаться? – Галка никогда не была изысканна в выражениях. – У этого мудака зарплата – копейки, дети гречку с картошкой жрут. А она мне – дети, Галина Васильевна, это счастье, жаль, что вы этого не понимаете. – От возмущения Галка задохнулась, и на глазах у нее выступили злые слезы обиды.

– Ну, Галь, ну успокойся, куда деваться, такая судьба. – Таня погладила ее по сухой морщинистой руке с короткими неухоженными ногтями.

– Покоя хочется, понимаешь?

Таня кивнула.

– Тишины, книжку почитать, поваляться. Просто одной побыть. Ты же знаешь мою жизнь. Шестьдесят лет терплю. Не живу, а терплю. Понимаешь? Этот алкаш издох – думала, вот, сейчас поживу. А тут сыночек привел, не запоздал. И начали рожать раз в два года. Нет сил. Совсем нет сил.

Таня кивала и гладила Галку по руке. «Бедная, бедная, – думала Таня. – А ведь и вправду жизнь у нее – не приведи господи. Сначала муж – алкаш, потом сын – дурачок, теперь невестка – бесперебойная родильная машина. Квартирка жуткая, нищета всю жизнь. Что она видела хорошего в жизни, Галка? А детство? Сирота, хорошо еще, что тетка взяла, пожалела, а так – детский дом. Хотя, если про эту тетку, неизвестно, что лучше. Нет, это я, конечно, утрирую».

– Идет, – злобно бросила Галка.

Таня обернулась. По грязным лужам, в которых отражалось недоброе небо, по сизому снегу не шла – плыла Жанночка. Принцесса. Белая шубка, белая шапочка, белые сапоги – снегурочка просто. Из-под шапочки – локоны. Издали – девочка двадцати пяти лет. Она подплыла к ним с радостной улыбкой.

– Ой, девочки, привет! Давно ждете?

– Ты что дурочку включаешь? На часы посмотри, – набросилась на нее Галка.

Жанночка послушно заковырялась в отвороте пушистой перчатки, отыскивая часы.

– Ой, правда, на двадцать минут! – очень удивилась она. – Ну вы же меня, девчонки, знаете! Завозилась с утра – то то, то се!

Галка останавливаться не собиралась:

– Дрыхла небось, потом марафетилась, а люди ждать должны по этой погоде!

Таня примирительно проговорила:

– Ну, все, все. Где машина, Жанночка? Пойдем, пойдем скорее, мы и вправду околели.

Гуськом двинулись к машине. Галка продолжала ворчать. В машине было, слава богу, тепло и пахло земляничной отдушкой. Двинулись наконец.

– На кладбище, наверное, посуше, – волновалась Жанночка. – Там небось вовсю еще снег. Боюсь, промокнут ноги.

– Промокнут – высохнут, – злобно обнадежила Галка.

– Ой, что ты! Я тут так отболела – две недели такой бронхит! И насморк – так намучилась!

– Да ладно скулить! – Галка приоткрыла окно и опять закурила.

Жанночка поежилась:

– Галь, дует!

– Не сдует – ты ремнями пристегнута, – отозвалась Галка.

Таня улыбнулась. Скандал, похоже, сходил на нет.

У кладбища купили три одинаковые корзины – еловые ветки с шишками – и двинулись внутрь. Первой лежала тетя Оля, Ольга Андреевна, Жанночкина мать. На главной, престижной аллее – Жанночка уже тогда была в очередной раз удачно замужем. Ее муж, известный архитектор, без труда пристроил тетю Олю на хорошее место – он лично знал директора кладбища. Главную аллею всегда чистили и убирали, люди на ней лежали непростые, известные. Тетя Оля оказалась в неплохой компании. Тот же архитектор придумал

тете Оле и памятник – он этим слегка занимался («Так, побочный заработок», – оправдывалась Жанночка). Памятник получился четкий, не громоздкий, не пошлый, весьма оригинальный и – выдержанный. Не будь его, архитектора, вкус и воля, Жанночка наверняка насочиняла бы каких-нибудь гирлянд, вазонов и виньеток. На могиле была идеальная чистота – конечно же за ней смотрели. Жанночка всхлипнула, сняла перчатку и провела по портрету матери маленькой, совсем детской рукой. Галка и Таня деликатно стояли в стороне.

– Мамочка моя, – шептала Жанночка. – Ну вот, я пришла, как всегда, да? У меня все хорошо, – докладывала она.

Галка криво усмехнулась.

– Боба здоров, Илья Евгеньевич тоже. В доме сделали камин, дымит, правда. – Жанночка всегда любила подробности.

Галка возвела очи к небу. Таня качнула головой – осудила Галкину нетерпимость. Галка притопывала ногами. «Холодно ей, – догадалась Таня. – Сапоги эти на рыбьем меху, да и пальтишко тощее. Бедная, бедная Галка, и голодная к тому же, наверное!» Жанночка еще что-то бормотала минут десять, пока Галка не бросила ей:

– Пойдем уже, господи! Бедная тетя Оля в твоих каминах и диванах запуталась.

Жанночка судорожно вздохнула, поправила корзинку с ветками и покорно кивнула.

– Ой, девочки, а может, я вас в машине подожду? Зябко как-то, я ведь отлечилась только-только.

Галка дернулась и резко пошла вперед. Таня укоризненно попеняла Жанночке:

– Ну что ж мы тебя тогда ждали, а, Жанн? Странная ты, ей-богу! – И быстрым шагом бросилась догонять Галку. До Жанночки вроде бы дошло, что подружки обиделись, и, не очень понимая, в чем дело, она кинулась вслед. Конфликт для нее все-таки был страшнее, чем повторный бронхит. Галка шла резко, курила на ходу.

Вторая остановка была у последнего пристанища Таниной матери – Веры Григорьевны. Это была боковая аллея, слава богу, неглубоко – у самой дороги, с краю. Камень стоял обычный – серый мрамор, из недорогих. С овального керамического медальона смотрела с улыбкой молодая Вера Григорьевна. Таня почему-то упрямо хотела, чтобы на памятнике было обязательно фото молодой матери, хотя ушла Вера Григорьевна в самом почтенном возрасте – в восемьдесят два года. Молодая Вера Григорьевна улыбалась, кокетливо повернув голову чуть набок. И были прекрасны ее молодые глаза, и гладок блестящий пробор, и у шеи кружевной воротничок держала любимая наследная камея: тонкий профиль, завиток, еще завиток, чуть опущенный подбородок, прямая линия носа, узкая длинная шея – в общем, что-то от Веры Григорьевны, несомненно, есть. Таня достала тряпку из пакета, протерла камень, убрала засохшие цветы, зажгла по-

минальную свечку и повела свой разговор – как всегда, про себя, естественно. Минут через десять она закрыла калитку ограды и подошла к подругам. Галка осенила крестом фотографию Веры Григорьевны, а Жанночка, шмыгая носом, пожелала Вере Григорьевне спокойного сна. Таня и Галка переглянулись и вздохнули – теперь уже обе. До могилы тети Шуры идти было минут двадцать, самая глубь кладбища, где становился слышнее гул машин на Окружной.

– Нет, хорошо еще, что все-таки на одной стороне лежат, да, Тань? – бормотала Жанночка. – А то если бы на новом? А? Это же вообще был бы тихий ужас! – представив это, Жанночка даже остановилась и покачала головой.

Наконец дошли, добрели, усталые, заморенные, замученные. На могиле тети Шуры стоял простой металлический крест, увитый когда-то ядовитого цвета пластмассовыми цветами, со временем потерявшими уже свою яркость и синтетический блеск. На местах уже ржавом кресте, в сердцевине его, был прикручен металлический же прямоугольник с выбитыми фамилией, инициалами и цифрами – годами жизни и смерти. Галка пристроила к изголовью принесенную корзинку, бросила в пакет отрезанную по пояс пластиковую бутылку, служившую вазой, с уже стухшей, темной, подмерзшей водой. Перекрестила теткин крест и сказала, как всегда, свою обычную фразу:

– Ну, спи, с Богом. Он тебе и судья.

Это заняло три-четыре минуты, и все двинулись в обрат-

ный путь, предвкушая сначала тепло и комфорт машины, а потом тепло и уют Таниного дома. В общем, все было исполнено четко, как всегда. И на сердце, как ни странно, от этого стало легче. В машине уже говорили обо всем, перебывая друг друга. Все повеселели, представляя, как сейчас, ну, минут через двадцать, разденутся, наденут теплые тапки, вымоют руки, сядут на кухне за стол, уже наверняка, как всегда, накрытый Таней. Таня бросится разогревать борщ и пирожки, Галка достанет из морозилки бутылку водки, и все отдохнут, вытянут ноги, согреют руки, выпьют первую стопку – и расслабятся, расслабятся наконец. И уже помягчает окосевшая Галка и будет приставать к Жанночке с выпивкой:

– Да брось ты свою тачку, вызови такси, расслабься, будь человеком, а, Жанн?

Жанночка будет сопротивляться минут двадцать – на большее ее не хватит, такой характер. И она тоже махнет рюмку, и они с Галкой почти полюбят друг друга или хотя бы на время друг друга простят. А Таня станет наливать малиновый борщ, достанет из духовки подогретые пироги, потом потопчется, устало присядет, и после первой рюмки ей станет тепло, свободно и хорошо, и они начнут с почти ускользающими подробностями вспоминать свое далекое детство. И будут друг друга перебивать, перекрикивать даже и спорить, что было не так, а иначе, и называть друг друга идиотками и дурами. И обязательно всплакнут по очереди, а затем и вместе над какими-то подробностями, незначительными

для других и кажущимися невероятно важными для них. Потом они проговорят о детях, мужьях, бывших и нынешних, невестках, зятях, сватах, свекровях, дачах, болезнях, тряпках, книгах и фильмах. Потом опять будут перебирать свою жизнь, вспомнят, если не забудут, бывших возлюбленных – тех, из общей юности. Опять заспорят и, конечно, непременно поругаются, примерно раз в пятый за этот день.

* * *

Таня садовыми ножницами с хрустом резала курицу и поглядывала на подруг. Галка уже отогрелась, даже порозовела как-то, брови, сдвинутые к переносью от вечного напряжения, наконец встали на место. И Галка не прекращала жевать, хватая маленькой, сморщенной рукой то пирожок, то куриную ножку. «Господи, какая она голодная вечно», – с болью подумала Таня. Жанночка откинулась на стуле – яркая косметика ее растеклась, лицо покраснело, и теперь уже отчетливо виделись ее немалые года – в общем, все как оно есть. Пили, как всегда, водку, хотя Жанночка робко попросила коньяк.

– Перебьешься, – бросила ей Галка.

Потом Таня сварила кофе, все немного пришли в себя, но спустя минут сорок Галка опять потребовала выпить, и Таня пошла в комнату и из нижнего ящика стенки, где обычно у нее стояли початые бутылки спиртного, оставшиеся после

Нового года и дня рождения, достала полбутылки забытого коньяка «Белый аист» и почти полную бутылку болгарского красного вина, дешевого и кислого, взятого, кажется, на глинтвейн. Таня, кряхтя, поднялась с колен. «Возраст, возраст», – подумала она. При виде бутылок пошло оживление – Жанночка выпила большую рюмку коньяка, а Галка с удовольствием, жадными глотками пила вино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.